

которого я никогда разобрать не мог, я определен "отрицать", между тем я искренне добр и к отрицанию совсем не способен. Нет, ступай отрицать, без отрицания-де не будет критики, а какой же журнал, если нет "отделения критики"? Без критики будет одна "осанна". Но для жизни мало одной "осанны", надо, чтобы "осанна"-то эта переходила через горнило сомнений, ну и так далее, в этом роде. Я, впрочем, во все это не ввязываюсь, не я сотворил, не я в ответе. Ну и выбрали козла отпущения, заставили писать в отделении критики, и получилась жизнь. Мы эту комедию понимаем: я, например, прямо и просто требую себе уничтожения. Нет, живи, говорят, потому что без тебя ничего не будет. Если бы на земле было все благоразумно, то ничего бы и не произошло. Без тебя не будет никаких происшествий, а надо, чтобы были происшествия. Вот и служу, скрепя сердце, чтобы были происшествия, и творю неразумное по приказу. Люди принимают всю эту комедию за нечто серьезное, даже при всем своем бесспорном уме. В этом их и трагедия. Ну и страдают, конечно, но... все же зато живут, живут реально, не фантастически; ибо страдание-то и есть жизнь" (15, 77).

В этих словах прорываются по-настоящему трагические ноты, которые заставляют думать, что образ черта – нечто гораздо более серьезное, чем кажется на первый взгляд. Собственно говоря, здесь достаточно ясно выражена мысль, что дьявол – это олицетворение того отрицательного начала жизни, без которого сама жизнь, как некое борение, как переход от "плюса" к "минусу" и обратно, просто невозможна. Но если в центре жизни находится человек, и ничто существенное в жизни не может быть независимым от него, то и дьявол как начало "отрицательности" – точно так же как и начало "положительности", Бог – должен пониматься в качестве некоего внутреннего его измерения. Человек содержит в себе абсолютное измерение, и вся его жизнь должна стать борьбой за полное и окончательное раскрытие этого измерения. Но эта цель, этот идеал никогда не будут реализованы, поскольку это означало бы его уничтожение как живого, борющегося и страдающего существа. Но именно поэтому в нем должно неизменно пребывать и быть столь же фундаментальным, как измерение абсолютности, противоположное измерение – измерение *относительности, несовершенства, небытия*. Осознавая измерение абсолютности в себе, человек создает образ Бога; точно так же, осознавая противоположное измерение, составляющее вторую сторону его сущности, человек создает образ дьявола – *духа небытия*. Величайшая ошибка заключается в том, что мы "субстанциализируем" важнейшее, хотя и скрытое, измерение нашей сущности и подчиняемся объективированному Богу, созданному нашим воображением. Но точно такой же ошибкой является превращение дьявола в независимую от нас внешнюю силу, в источник зла и греха; в результате он начинает ужасать нас, хотя правильнее было бы осознать его как часть себя.

Подобно тому как образ Иисуса Христа, выведенного в поэме Ивана Карамазова, разоблачает первую ошибку, показывая, что Иисус – не Бог, а человек, сумевший раскрыть в себе абсолютное измерение и поэтому превосходящий остальных людей; так и дьявол, изображенный в романе, обладает всеми человеческими чертами и является олицетворением всего "негативного" в человеческой сущности. Причем в этом контексте термин "негативное" должен пониматься не в этическом, а в метафизическом смысле, в смысле введенного Гегелем акта "негации", отрицания, "оконечивания" бытия; именно через этот акт бытие становится "наличным бытием", т.е. приобретает конкретную форму, неповторимо индивидуальное содержание, связанное с формой времени. Так понятие "негативное" обуславливает иррациональную индивидуальность каждой личности, является основанием ее жизненной полноты и конкретности. Отметим, что в XX в., в традиции экзистенциальной философии, это начало было признано в качестве главного в человеке, причем в большинстве случаев оно отождествлялось с *ничто, небытием*; наиболее фундаментальное проведение этой темы дали М. Хайдеггер и Ж.-П. Сартр, главный труд последнего так и называется – "Бытие и Ничто". Приведенные рассуждения позволяют утверждать, что, по сути, этот подход уже целиком присутствует в философском мировоззрении Достоевского: учитывая, что дьявол есть, по определению Великого Инквизитора, *дух небытия*, мы можем прийти к